

Е. Ю. Дубровская
ИЯЛИ КарНЦ РАН, Петрозаводск

Российские военные власти и Сердобольская учительская семинария: противостояние в карельском приграничье в начале XX в.

Среди конкретных задач, стоящих перед автором, одной из самых важных является исследование феномена исторической памяти населения приграничья накануне и во время Первой мировой войны на материале Карелии. Изучение роли финского фактора в истории края на основе опубликованных источников и документальных материалов из фондов Национального архива Финляндии и периодических изданий, вышедших в начале XX в., позволяет проследить, как в этот период действовали механизмы сохранения, передачи, актуализации памяти населения карельско-финляндского приграничья о событиях прошлого¹. Прежде всего, интересно выяснить, как складывались такие представления у читательской аудитории епархиальных журналов начала XX в. – «Православного Финляндского сборника» (1910–1911) и «Карельских известий» (Салми-Выборг, 1913–1917).

Традиция публикации путевых заметок и дневников лиц духовного звания в начале XX столетия была положена «Православным Финляндским сборником». Исходя из целей своей миссионерской деятельности, представители православного духовенства, предлагавшие вниманию русского читателя наблюдения над самыми различными сторонами жизни сопредельных территорий в Финляндской и Российской Карелии, в первую очередь информировали о конфессиональном составе населения приграничья.

Попадая на страницы периодики, эти сведения приобретали особую ценность и потому, что давали представления об этнической структуре описываемых территорий. Хотя задолго до рубежа XIX и XX столетий сведения об этноконфессиональном составе населения Приладожья и Олонецкой Карелии становились предметом особого внимания русских путешественников и ученых.

Весьма показательны в этом отношении публикации в журнале «Карельские известия». Журнал увидел свет в 1913 г. первоначально как издание православного кружка в с. Салми Выборгской губ., издавался на квартире одного из церковнослужителей А. Михайлова машинописным

способом и редактировался настоятелем Крестовоздвиженской церкви на острове Мантсинсаари Петром Шмариным. С началом Первой мировой войны издание журнала взяло на себя Главное (Финляндское) отделение Карельского Православного братства с центром в г. Выборге.

Уже в «салминский» период существования «Карельских известий» на страницах журнала нашли отражение разногласия между финляндской общественностью и русской администрацией во взглядах на целесообразность деятельности ставшей неудобной для центральных властей Сортавальской (Сердобольской) учительской семинарии. Она готовила учителей, владевших финским языком, для карельских приходов с православным населением.

Основанная в 1880 г. семинария не являлась старейшей среди подобных учебных заведений края². Однако на нее было обращено пристрастное внимание имперских высших чинов, подозрительно относившихся к особому автономному положению Великого княжества Финляндского в составе Российского государства. Необходимость введения обязательного изучения ее воспитанниками русского языка уже в начале XX в. мотивировалась ощутимой потребностью в преподавателях государственного языка империи для школ российско-финляндского приграничья³.

В 1909 г. в Петербурге отдельной книгой была издана подборка материалов периодической печати с целью разоблачить намерения финляндцев завоевать на свою сторону карельское население Финляндской и Российской Карелии⁴. Среди этих публикаций значительное место отводилось выступлениям сортавальской газеты «Laatokka» («Ладога»), руководимой семинарскими кругами⁵. Разумеется, издания, подобные брошюре инспектора по делам православной религии в Финляндии протоиерея В. П. Крохина, не способствовали снижению напряженности в отношениях противоборствующих сторон⁶.

Еще в период правления финляндского генерал-губернатора Н. И. Бобрикова специально созданная комиссия признала необходимым «подвергнуть семинарию коренному преобразованию таким образом, чтобы вся ее учебно-воспитательная работа и административная часть были переданы в руки лиц истинно русского направления и все предметы преподавались в ней на русском языке»⁷. Последовавшее за убийством Бобрикова изменение правительственной политики в Финляндии не позволило осуществиться планам по преобразованию или упразднению семинарии, хотя неоднократно предпринимались меры репрессивного характера против выразителей господствовавших в ее стенах настроений. Так, в 1911 г. был отстранен от должности инспектор православных народных школ в Карелии Садовников, сторонник феннофильских взглядов⁸.

В марте 1914 г., знакомя читателей с ситуацией вокруг опального учебного заведения, машинописные «Карельские известия» критиковали «тот дух, в котором воспитываются ученики Сердобольской семинарии» и те «чувства и стремления», с которыми «выходят из этой семинарии молодые люди, принимающиеся за учительскую деятельность в финских народных школах». По мысли автора журнальной публикации, вполне естественно, что «такой учитель финской народной школы в проявлениях русского влияния видит „злое“ и ведет борьбу против него», т. е. «против русских обычаев среди карел, против мировоззрения русского простолюдина в кареле, против русских слов в языке карела, навязывая взамен этого финские обычаи, мировоззрение, слова»⁹.

Сами будущие учителя, продолжает автор заметки, во время пребывания в семинарии «вполне успевают проникнуться финским духом и усвоить финское обличье». Если в семинарию «они поступали еще православными карелами: Алексеевыми, Подушкиными и др.», то заканчивали ее «под фамилиями Арнио, Лайне, Харкинена, Канерво, Райнио» и т. д., «поступали они с именами Карпов, Парасковий и др., кончали с именами Карлов, Эв и пр.».

В цитируемой статье подчеркивается влияние на учащихся со стороны не только преподавателей, но и «товарищеской среды» и обстановки, в которой «приходится жить четыре года ученикам из православных карел». Таких учеников в семинарии «бывает обычно один-два на класс, состоящий из тридцати человек, чисто финнов». После четырехлетнего обучения «православный карел, сделавшись народным учителем, ревностно начинает вырывать „злые семена“, брошенные в православных карел „чужестранцем“, т. е. усердно очищает язык своих учеников от русских слов вопреки желанию родителей»¹⁰.

Подытоживая сказанное, автор публикации отметил, что «речь молодого поколения получила западный отпечаток и стала приближаться к языку остальной Финляндии», вот почему зачастую «в одной и той же семье говорят двумя разными наречиями», и «многие старые люди порицают это нововведение». Автор ссылается на сетование одного старика-карела по поводу его племянницы: «Весь свой разговор сменила, не умеет более говорить по-человечески»¹¹.

В январе 1912 г., в обстановке ужесточения отношения русских властей к семинарии, комиссия от гласных г. Сортавалы (в состав которой вошли директор семинарии К. А. О. Реландер, известный врач Г. Винтер и пятеро других уважаемых горожан) обратилась к председателю Совета министров В. Н. Коковцову. Комиссия просила воспрепятствовать переводу учебного заведения в какой-либо другой город Финляндии, сопро-

водив свое ходатайство подробным изложением истории создания и деятельности семинарии как крупного культурного центра княжества¹².

Коковцов, предваряя передачу вопроса на рассмотрение Министерства юстиции, запросил мнения финляндского генерал-губернатора Ф. А. Зейна о характере работы семинарии. В 1913 г. в канцелярии генерал-губернатора была подготовлена соответствующая «Записка», содержащая разделы о истории возникновения семинарии, о ее «правовом положении» и направлениях деятельности.

В конце января 1914 г. Зейн предложил Финляндскому сенату разработать «меры к внутреннему преобразованию строя семинарии»¹³. С началом Первой мировой войны дальнейшее рассмотрение вопроса о судьбе учебного заведения перешло в сферу компетенции военных властей. Те предлагали закрыть семинарию, заявляя, что она является «проводником панфинской пропаганды» и содействовала вербовке сторонников егерского движения.

Движение, ставшее формой активного сопротивления унификаторским начинаниям центральной власти, было ориентировано на германо-финляндское секретное сотрудничество в области создания на немецкой территории добровольческой боевой единицы финляндских сепаратистов – 27-го Королевского Прусского егерского батальона¹⁴.

В середине сентября 1916 г. Финляндский сенат сообщил Зейну о том, что, согласно Высочайшему постановлению, введение в учительских семинариях обширного курса русского языка и преподавания на нем истории России является мерой, способствующей изменению характера обучения. Со своей стороны сенат предложил назначать на должности директора и преподавателей семинарии лиц, знающих русский язык. «Указанными мерами возбужденный вашим Высокопревосходительством в 1914 году вопрос мог бы, по мнению сената, считаться исчерпанным, и сенат не считал бы своевременным проводить в настоящее время какие-либо более радикальные реформы», – говорилось в документе¹⁵.

Обстановка военного времени давала широкие возможности применения репрессивных мер против действий, враждебных центральной правительственной власти, под которыми подразумевались и публикации в печати. К таким действиям оказалась причислена и деятельность директора Сердобольской семинарии Реландера.

Главкомандующий армиями Северного фронта Н. В. Рузский, заслушав доклад о работе учебного заведения, нашел пребывание его директора в Финляндии «вредным для русской государственности» и приказал выслать Реландера как «выказавшего себя активным сторонником идей панфинизма и сепаратизма особенно в настоящее военное время» во

внутренние губернии империи до окончания войны. Следуя этому приказу, Ф. А. Зейн шифрованной телеграммой дал распоряжение Выборгскому губернатору генерал-майору Ф. Фон Фалеру арестовать Реландера и препроводить под конвоем в выборгскую тюрьму для дальнейшей передачи в распоряжение петроградского губернатора¹⁶.

Такая мера пресечения деятельности финляндцев, задержанных по подозрению в вербовке егерей, шпионаже и саботаже, была весьма распространенной. В ноябре 1914 г. под арестом оказался многократно избиравшийся председателем финляндского сейма П. Э. Свинхувуд, впоследствии сосланный в Сибирь, а в 1916 г. до 250 человек содержались в тюрьмах или были вывезены в Петроград по соответствующим обвинениям¹⁷.

Введение военного положения уже в начале августа 1914 г. сразу же ограничило возможности гражданской администрации влиять на ход событий, поскольку сам генерал-губернатор был теперь подчинен командующему 6-й армии. Однако попытки Зейна противостоять слишком радикальным мерам военных властей, которыми они полагали обеспечить сохранение лояльности населения Великого княжества, позволяют согласиться с заключением, что его можно характеризовать как человека, вынужденного считаться с реальной обстановкой в крае¹⁸.

О его позиции, не лишенной осмотрительности, свидетельствуют ответы начальнику штаба главнокомандующего армиями Северного фронта Ю. Н. Данилову на поступивший в начале ноября 1916 г. приказ дать сведения о работе Сердобольской учительской семинарии ввиду возможного применения в отношении ее п. 15 ст. 19 «Правил о местностях, объявленных состоящими на военном положении» на все время действия этого положения. Очевидно, именно к ноябрю 1916 г. относится подготовка приказа главнокомандующего армиями Северного фронта, который должен был определить судьбу отнюдь не военного учреждения, располагавшегося вдалеке от линии фронта, в Восточной Финляндии.

На основании «Правил о местностях, объявленных состоящими на военном положении» главнокомандующий распорядился: «1) Сердобольскую учительскую семинарию в Финляндии окончательно упразднить, 2) учащихся и учащихся семинарии перевести в другие учебные заведения Финляндии по усмотрению Императорского финляндского сената, 3) принадлежащие семинарии денежные суммы и другие ее имущества, как движимые, так и недвижимые, обратить на потребности народного просвещения в крае по соглашению Финляндского сената с финляндским генерал-губернатором»¹⁹.

Документ, обнаруженный в черновике среди бумаг канцелярии генерал-губернатора, свидетельствует о крайнем обострении конфликта меж-

ду русскими военными и гражданскими властями Финляндии вокруг учительской семинарии. Позиция Зейна, занятая им в этом вопросе, не могла не повлиять на то, что намерения военных властей так и остались неосуществленными²⁰.

Публикации в журнале «Карельские известия» позволяют увидеть, какие личности и события из имперской истории удостоивались коммеморации, кто из учителей русских школ в Северном Приладожье заслуживали, в отличие от преподавателей Сердобольской семинарии, упоминаний на страницах официальных православных изданий накануне и во время Первой мировой войны.

Так, построенная на средства Валаамского монастыря школа Карельского православного братства в с. Салми с Высочайшего позволения получила название Алексеевской в честь Наследника цесаревича, другая братская школа в д. Карку Салминского прихода именовалась Софийской, поскольку строилась на средства финляндского генерал-губернатора Ф. А. Зейна и призвана была увековечить имя его супруги Софии Ивановны Зейн.

Рассказывая о своей поездке по Приладожской Карелии в 1916 г., помощник Выборгского синодального миссионера иеромонах Исаакий обратил внимание читателей на «историческое значение двух зданий» в д. Минала Салминского прихода, составляющих особую заботу местного купца Ивана Федоровича Хозяинова: «Часовня построена на братской могиле карел, избитых во время шведских нашествий в эти края», а Николаевская школа – в память финляндского генерал-губернатора Н. И. Бобрикова, «безвременно погибшего от руки убийцы шведа Шаумана»²¹.

Во время православной миссионерской поездки по Приладожской Карелии в декабре 1915 г. путешественники посетили Орусъярви, находившееся в семи верстах от с. Салми. В опубликованных «Путевых впечатлениях» о нем сообщалось как о «месте историческом»: «глубокое предание говорит, что когда-то, в минувшие времена» здесь находился женский монастырь», в обители особо почитался чудотворный образ Святителя Николая. «Во время набегов полчищ „Шишая“ на Карелию Орусъярвская обитель была предана огню и мечу, с тех пор монастырь прекратил свое существование»²².

Автор «Путевых впечатлений» приводит легенду о происхождении названия о. Орусъярви – «Оружейное озеро»: «Как объяснили карелы, оно происходит от того, что во время войны в озере было потоплено много оружия, в нем также погружены монастырские колокола»²³. Вне зависимости от достоверности такого объяснения происхождения топонима следует отметить, что карельское слово *orozi* действительно означает «ружье»²⁴.

Сходное объяснение получило в путевых заметках и название стоящей на берегу Ладожского озера д. Карку Салминского прихода, где наряду с русской школой Карельского православного братства действовала и финская, находившаяся в ведении «школьно-просветительного общества и возведенная здесь печальной памяти инспектором финских школ Садовниковым»²⁵.

По свидетельству владевшего карельским языком иеромонаха Исаакия, топоним связан со словом «„каргу“ – убежище» (*kargu*²⁶ – уход, бегство). «По преданию, здесь недалеко от селения было убежище карел во время шведских нашествий», – пишет автор, – а с находящимся вблизи селения местом «Kalmiston rinne („Кладбищенский выступ“») связаны услышанные им рассказы старожилов «о зверском набеге шведов». В путевых заметках о посещении насчитывавшей 50 домов деревни, жители которой «все православные», миссионер приводит следующее высказывание: «„Теперь, слава Богу, не то время. Живем под могущественным крылом Российского Орла“, – так заканчивают свой грустный рассказ каркульские старики-карелы»²⁷.

Вступление России в мировую войну не только повлияло на активизацию памяти об имперском расширении и завоеваниях, изменилось восприятие Карелии как места противостояния Востока и Запада. Официальные периодические издания 1910-х гг., формируя представления своих читателей об этносах-соседах, прежде всего, карелах и финнах, стремились представить имперскую историю как общее прошлое жителей многонационального государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее см.: Дубровская Е. Ю. Северное Приладожье и «места памяти» в репрезентации российской периодики начала XX столетия // История и культурное наследие Северного Приладожья: взгляд из России и Финляндии. Материалы II науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Т. А. Хаккарайнена и 375-летию Сортавалы (11–13 июня 2007 г., Сортавала). Петрозаводск, 2007. С. 107–113.

² Военное обозрение Финляндского военного округа. Гельсингфорс, 1876. С. 605; Дмитриев А. П. Ректор Сортавальской Духовной семинарии протоиерей Николай Валмо и финское «литургическое пробуждение» // Сортавальский исторический сборник. Вып. 1. Петрозаводск, 2005. С. 138–149.

³ Полвинен Т. Держава и окраина: Н. И. Бобриков – генерал-губернатор Финляндии. 1898–1904. СПб., 1997. С. 152.

⁴ Панфинская пропаганда: по финским источникам. СПб., 1909. См. также: Витухновская М. А. Российская Карелия и карелы в имперской политике России: 1905–1917. СПб., 2006; Шейкин А. А. Конструируя «панфинскую пропаганду» (Начальный этап «панфинской пропаганды») в документах канцелярии архангель-

ского губернатора) // Восточная Финляндия и Российская Карелия: традиция и закон в жизни карел. Петрозаводск, 2005. С. 160–165.

⁵ КА (Kansallisarkisto – Национальный архив Финляндии). ККК (фонд канцелярии финляндского генерал-губернатора) Fb Hd 105 Дело о Сердобольской семинарии 1912–1913 и 1916 гг. Письмо Ф. А. Зейна Ю. Н. Данилову 14 декабря 1916 г.

⁶ Например, Алексеев В. А. Панфинский лютеранский поход финляндцев на православную Карелию. СПб., 1910; Вальтер Н. Изнанка финляндской культуры (финляндская печать о финляндцах): материалы для очерка финляндских нравов. СПб., 1913; Крохин В. П. Как возникла в г. Сердоболе финская учительская семинария и как она офинивает Карелию. СПб., 1910; Смирнова С. Угнетенная страна. Заметки о Финляндии. СПб., 1908 и др.

⁷ КА. Там же. Сердобольская учительская семинария. Ч. III. Характер деятельности.

⁸ Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. История карельского народа. Петрозаводск, 1998. С. 199.

⁹ Карельские известия. 1914, № 4. С. 14.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Подробнее об этом: Пулькин М. В. Карельский язык в Олонецкой и Сердобольской семинариях // Приладожье и Русский Север. История, традиции, современность. Материалы науч.-практ. конф., г. Лодейное Поле, 8–12 июня 2002 года. М., 2003. С. 159–162.

¹² КА. Там же. Исторический очерк возникновения и деятельности Сердобольской семинарии. Перевод.

¹³ КА. Там же. Письмо Ф. А. Зейна Ю. Н. Данилову 14 декабря 1916 г.

¹⁴ Новикова И. Н. «Между молотом и наковальной». Швеция в германо-российском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны. СПб., 2006; Она же. «Финская карта в немецком пасьянсе»: Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб., 2002; Соломещ И. М. Финляндская политика царизма в годы первой мировой войны (1914 – февраль 1917). Петрозаводск, 1992. С. 18–23, 50–52.

¹⁵ КА. Там же. Копия секретного отношения Императорского финляндского сената финляндскому генерал-губернатору от 19 сентября 1916 г.

¹⁶ КА. Там же. Копии секретного отношения начальника штаба главнокомандующего армиями Северного фронта финляндскому генерал-губернатору от 5 ноября 1916 г.

¹⁸ Расила В. История Финляндии. Петрозаводск, 1996. С. 139; Соломещ И. М. Указ. соч. С. 46.

¹⁸ Соломещ И. М. Указ. соч. С. 29–30, 35–36; Luntinen P. F. A. Seyn: A Political Biography of a Tsarist Imperialist as Administrator of Finland. Helsinki, 1985. P. 253–254.

¹⁹ КА. Там же. Дело о Сердобольской семинарии 1912–1913 и 1916 гг.

²⁰ КА. Там же. Копия секретного письма Ю. Н. Данилова Ф. А. Зейну 27 декабря 1916 г.; письма Ф. А. Зейна Ю. Н. Данилову 14 декабря 1916 г. и 2 января 1917 г.

²¹ Путьвые впечатления (Поездка по Карелии) // Карельские известия. 1916. № 14. С. 5.

²² Путьвые впечатления // Там же. 1916. № 17. С. 5.

²³ Там же.

²⁴ Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск, 1990. С. 245.

²⁵ Иеромонах Исаакий. Из истории деревни Карку Салминского прихода // Карельские известия. 1916. № 22. С. 6–7.

²⁶ Словарь карельского языка... С. 125.

²⁷ Иеромонах Исаакий. Указ. соч. С. 7.